

СУГГЕСТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА И РЕЧЕВОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ

УДК 659.4:81'42, ББК 81.1, ГСНТИ 16.21.33, КОД ВАК 10.02.01

Е. А. Тихомирова

Минск, Республика Беларусь

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ТЕКСТАХ ФРЕНДЛЕНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

Тексты социальных сетей позволяют изучать неформальное речевое поведение и ценности современников. Анализ поверхностно-синтаксического фрейма высказываний показывает, как адресант может воздействовать на собеседников, поэтому адресат должен уметь анализировать тексты.

Ключевые слова: неформальная коммуникация, пресуппозиции, поверхностно-синтаксический фрейм.

Сведения об авторе: Елена Александровна Тихомирова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Белорусского государственного университета. 220030, Беларусь, Минск, ул. К. Маркса, 31. E-mail: alena.tikhomirova@gmail.com

E. A. Tikhomirova

Minsk, Belarus

SPEECH INFLUENCE IN FRIENDLIST TEXTS OF THE SOCIAL NETWORK

Texts of social networks allow studying the informal speech behavior and values of our contemporaries. The analysis of the surface syntactic frame of utterance shows how the addresser can influence the interlocutors, thus, the addressee should be able to analyze texts.

Key words: informal discourse, presuppositions, surface syntactic frame.

About the author: Elena Alexandrovna Tikhomirova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Russian Language, Belarusian State University. 220030, Belarus, Minsk, ul. K. Marks , 31. E-mail: alena.tikhomirova@gmail.com.

Мы можем узнать что-либо о знаниях, эмоциях, намерениях других людей, только анализируя их тексты – креолизованные или вербальные произведения.

Социальные сети предоставляют возможности спонтанной коммуникации каждому пользователю интернета, поэтому размещенные в социальных сетях тексты позволяют исследователю изучать речевые и поведенческие практики участников коммуникации и, следовательно, важные для них ценности, способы оценки ими происходящих событий, а также манипуляции авторов текстов над убеждениями собеседников.

Русскоязычная часть социальной сети Facebook – место неформального общения представителей среднего класса, живущих не только в России, но и за ее пределами. В открытых группах Facebook'а обычно помимо модератора есть несколько активных интернет-пользователей, регулярно создающих посты и комментирующих сообщения других участников. Благодаря частотности публикаций они влияют на атмосферу общения в группе, провоцируют дискуссии и создают определенные мнения по обсуждаемым вопросам.

Личностно-ориентированный дискурс относительно не зависит от функционирующих в обществе социальных институтов и опирается на ранее усвоенные собеседниками коммуникативные нормы и привычки.

В социальной сети коммуникантов сближает и иллюзия статусно-ролевого равноправия: в опосредованном интернете общении все занимают одинаковый статус участника социальной сети, независимого или почти независимого от социального статуса в реальной действительности. Вследствие такого коммуникативного равенства собеседники уверены в наличии у них общих фоновых знаний, и поэтому интенции адресанта кажутся адресату понятными.

Однако каждый участник коммуникации волен выбрать – указывать реальные социальный, возрастной, гендерный статусы или выдуманные; называть настоящее имя, обыгрывать никнейм или воспользоваться данными зарегистрированного в сети человека. Такая возможность делает коммуникацию в сети социально рискованной и требующей контроля, успешность которого

определяется желанием читателя проникнуть в замысел автора, склонностью и умением адресата анализировать текст.

Опубликованные в социальной сети тексты, как и тексты устного бытового общения, характеризуются непринужденностью, неофициальностью, опорой на известную коммуникантам экстралингвистическую ситуацию. Большинство участников общения осознают неканоничность, по Дж. Лайонзу и Е. В. Падучевой [Падучева 1996: 199], речевой ситуации, потому что собеседники не находятся в одном месте, моменты создания поста и его прочтения не совпадают, хотя и могут различаться долями минуты. Автор поста не может знать всех, кто одновременно с ним участвует в коммуникативном акте.

Общаясь в открытых или закрытых группах социальной сети, собеседники не стесняются быть самими собой, искренне рассказывают о чувствах и событиях в личной жизни. Эти дискурсивные тактики приводят к тому, что участники сетевого общения не обращают внимания на различия между непосредственной и опосредованной интернетом коммуникацией и переносят навыки устного межличностного общения на речевое взаимодействие в группах. Например, приняты фамильярные этикетные формулы и откровенное обсуждение всех тем: *Ребятунки всем привет! В феврале едем в Рио, у нас есть 2 недели изучение красоты вашей страны! Помогите пожалуйста маршрутами, где и что снимать, <..> что стоит посетить, что нет, где и что покушать, дайвинг, экзотические места и острова!* (здесь и далее во всех примерах сохраняем орфографию и пунктуацию авторов); *Привет всем лягушкам со всех уголков мира! Расскажите, что в вашей стране принято делать со свадебным платьем после церемонии?; У меня такой вопрос - ПРИНИМАЕТЕ ЛИ ВЫ ПОДАРКИ ОТ ЛЮДЕЙ В ЧЕЙ ИСКРЕННОСТИ ВЫ СОМНЕВАЕТЕСЬ?; Добрый день, не первый раз обращаюсь к вам вы как семья которой очень не хватает. Надумала я учиться остаеовилась на массаже не смотря на то что дома работала бухгалтером. если есть в группе девчонки которые здесь учились Отзовитесь.....*

Многие наши современники настороженно относятся к текстам журналистов, рекламистов и политиков, но размещенные в социальных сетях тексты оценивают как безопасные сообщения. Общаясь в группах по интересам, коммуниканты относятся к собеседникам как к друзьям, часто и знают многих участников групп лично, встречаются в реальной жизни. Коммуниканты предполагают одинаковые пресуппозиции и поэтому воспринимают сообщения с установкой на доверие: *Дорогие участницы группы, давайте просто поговорим о чтении? Кто что любит читать?*

Однако необходимо учитывать, что авторы постов и комментариев имеют возможность профессионально манипулировать читателями и целенаправленно воздействовать на адресатов в открытых группах социальной сети. Некритичное речевое поведение в социальных сетях оцениваем как значительный социальный риск.

Наш материал – опубликованные в августе 2017 – январе 2018 тексты френдленты новостей Facebook'a. Мы анализируем лишь тексты и комментарии к текстам без пометы редактирования, потому что такие сообщения отражают навыки создания и письменного текста, и устной коммуникации.

Тематически наша выборка ограничена текстами об аресте Кирилла Серебренникова. О важности этой темы свидетельствует и пост филолога Ирины Левонтиной: *совсем недавно, встретив в посте сокращение КС, читатель склонен был понимать его одним образом – театрально-политическим*. Наш материал свидетельствует, что это событие затронуло людей, имеющих различные политические взгляды и живущих в разных странах. Авторы постов и комментариев к ним относятся к разным социальным группам: домработницы и домохозяйки, служащие, владельцы фирм, журналисты, преподаватели университетов, артисты... Разнообразие социальных характеристик коммуникантов позволяет делать обоснованные выводы о речевом поведении носителей языка при обсуждении важного общественного события, но из-за субъективности выборки не претендуем на статистическую точность.

Филолог может понимать и анализировать убеждения и эмоции авторов постов и комментариев к ним, исследуя заполнение слотов в поверхностно-синтаксическом фрейме высказываний.

Поверхностно-синтаксический, или валентный, фрейм отвечает конвенциям о том, как носители языка представляют предложения на этом языке и порядок слов в них.

В русском языке высказывания, как правило, структуры вида «глагол + имя». Это прототипическая конструкция. Пропозиция выступает в предложении носителем предикативности, а предикативность – сопоставление данному предикату его актантов, классификация которых была предложена В. Б. Касевичем и В. С. Храковским [Касевич и Храковский: 1983]. Наиболее типичным предикатом для европейских языков признан глагол.

Мы опираемся на положение С. Д. Кацнельсона, который еще в 1948 году писал: «Глагольный предикат – это нечто большее, чем просто лексическое значение, он <...> содержит макет будущего предложения» [Кацнельсон 1972: 83]. Корректность лингвистического анализа смысла высказывания поэтому определяется детальным описанием «сопоставления данному предикату его актантов» [Касевич и Храковский 1983: 12].

Способность глагола подчинять определенное количество актантов Л. Теньер анализировал как валентность – способность слова реализовываться в предложении, вступать в определенные комбинации с другими словами. Л. Теньер описывал фрейм глагола метафорически: «Глагольный узел <...> выражает <...> маленькую драму <...> в нем обязательно имеется действие, а чаще всего также действующие лица и обстоятельства» [Теньер 1998: 117]. Согласно Л. Теньеру, актанты – живые существа или предметы, участвующие в процессе в любом качестве, а сирконстанты выражают обстоятельства <...> в которых разворачивается процесс.

Следовательно, предикат характеризуется набором семантических валентностей – слотов, открываемых в высказывании данным словом.

Валентность задается ролью, которую выполняет при данном предикате заполняющий эту валентность терм (терминал).

А. Вежбицкая в «*Dociecania semantyczne*» показала жесткость разграничения субъектов, которым могут приписываться только психические или только физические предикаты [Wierzbicka 1969: 63]. По ее мнению, многозначные глаголы мы понимаем благодаря их левой валентности: при восприятии высказывания *Адам лежит на диване* в сознании адресата возникает картина лежащего на диване мужчины; *Тело Адама лежит на диване* – реципиент думает о неживом человеке.

Таким образом, структура высказывания включает валентные связи слотов и определяет понимание сообщения адресатом.

В прототипическом случае, как показал Ю. Д. Апресян, семантические и синтаксические актанты глагольных лексем находятся в отношении взаимоднозначного соответствия: каждому семантическому актанту данной лексемы соответствует один синтаксический актант, а каждому синтаксическому – один семантический [Апресян 2006].

Такое соответствие актантов обычно наблюдаем в продуманных или отредактированных текстах. Как правило, и расположение актантов при этом прототипично: субъект, предикат, объект, с традиционным выдвиганием в начало высказывания сирконстантов времени или места. Такие высказывания свойственны аргументированному научному тексту.

Строго логичное объединение компонентов текста вызывает почтение к его автору и убеждает адресанта в необходимости принять точку зрения уважаемого человека: *Мы можем рассчитывать не на сигнал сверху, не на доброе слово, сказанное кем бы то ни было, а на постепенное изменение отношения общества к насилию вообще и государственному насилию в частности. Изменение социальных норм, собственно, и влияет на все происходящее. Инструменты публичности работают.* В августе-сентябре таких публикаций было мало.

Из-за желания реагировать на событие быстро опубликованные в августе тексты обычно организовывались по формуле, распространенной в текстах СМИ и предполагающей слитное изложение конкретных фактов и суждений о них – «информация плюс анализ» [Лащук 2004]: *Дорогие дети, в том числе те, которых я когда-то учила писать новости. Посмотрите, прочтите и никогда так не делайте. В этой новости все лажа <...>*. И далее автор подробно анализирует, что не соответствует действительности в обсуждаемом им тексте СМИ и почему. Такое речевое поведение характеризует преподавателей университетов и известных российских журналистов, пытавшихся объяснить понимание ими общественной ситуации и прогнозировать ее развитие.

Однако пользователи Facebook'a реагировали на публикацию новостей быстро и эмоционально: *Открыла на ночь глядя френд-ленту впервые за день, а там <...> Вот где адище <...>*. Поэтому в большинстве текстов не наблюдаем соответствия семантических и синтаксических актантов, а на месте «вдоха-вздоха» авторы ставили многоточие.

В ноябре-январе тексты с корректным заполнением валентности сообщали о премьерах, но тексты о домашнем аресте и следствии отражали чувства авторов. В эмоциональных сообщениях с некорректным заполнением валентностей в высказываниях возрастает роль внутритекстовых связей. В не обдуманном заранее тексте смешиваются способы выражения цепной и параллельной связей: *Хорошо бы и следователей и прокурора для Кирилл Серебренников (Kirill Serebrennikov) с хорошей головой. А то срам какой-то... При таком общественном резонансе дела обязательно должно быть все открыто и ясно со стороны следствия! Пусть ведут колонку на сайте МВД с отчетами о «проделанной работе». Если правы – чего прятаться за Хозяина, дело же особого рода и подход должен быть ОСОБЫМ!*

Использование способов выражения только одного вида связи (например, цепной) может свидетельствовать о продуманности поста, но такой текст сильнее воздействует на адресата благодаря явной логичности: *Это год тотальных потерь. Год испытаний, которых не выдержал наш культурный*

элитный отряд. Струсил, смалодушничал. Сдал лучшего из элиты. Дело Седьмой студии – это позор нашего культурного цеха. Несмываемый, постыдный позор.

Прототипическое заполнение валентностей, как уже неоднократно отмечалось лингвистами, нехарактерно для неинституциональной коммуникации. Тексты Facebook'а показывают недостаточное и избыточное заполнение валентностей. Несмотря на реальную или мнимую спонтанность публикации, и то и другое может быть риторическим приемом автора.

Наиболее частый прием в текстах августа-сентября, обусловленный как неподготовленностью речевого акта, так и желанием автора внушить адресату свое понимание действительности – перестановка элементов в высказывании: *Все сейчас возбуждены делом Серебренникова!*

Воздействие таких мнимых утверждений усиливается рамочным повторением слова с эмоциональной оценкой: *Как ни печально, но представители культуры стали загнивать под воздействием дикого капитализма и его следствия-жажды ниуемного потребления. Это печально.* По нашим наблюдениям, повтор оценки характеризует тексты, опирающиеся на риторику, напоминающую советскую агитационную практику.

Пользователи Facebook'а, стремясь воздействовать на собеседников, активно используют семиотические предпосылки вариативной интерпретации события. К семиотическим предпосылкам относится использование регулярных преобразований в описании какого-либо положения дел. Выделяются аннулирующие, фингирующие, индефинитизирующие и модальные преобразования [Левин 1998: 598].

Аннулирующее преобразование условно нейтрального описания дел [Баранов 2001: 219] типично для современной коммуникации, поэтому оно не осознается читателями и наиболее частотно в анализируемых нами текстах. Во многих текстах не заполнена позиция предиката, потому что автору важно обратить внимание адресатов на тему сообщения: *на злобу дня к делу Серебренникова проговорочки.* Отсутствие предиката, как правило,

сопровождается пропуском знаков препинания. Авторы уверены, что таким образом они привлекают внимание к тексту, а адресаты «восстановят» предикат благодаря тематике поста.

Из описания ситуации адресанты также часто исключают время или место события, его некоторых участников и т. п. Такие умолчания характерны для устной формы контактной коммуникации, позволяющей задавать уточняющие вопросы, но используются по привычке или нарочно для общения в сети.

Валентность во многих анализируемых высказываниях намеренно избыточная. Используя фингирующее преобразование, автор вводит в описание ситуации не содержащиеся там изначально детали, предметы, события. Такими деталями могут быть избыточные эпитеты, ссылки на выдуманное авторство и т. п.: *Нашему поколению повезло. Мы еще успели застать Театр. <...> Мы – это на языке режиссера Кирилла Семеновича Серебренникова – советские совки.* Часто такой деталью становится атрибут, известный авторам по фотографиям режиссера: *Учиться же тебе не пришлось, Кирюха! Ты же сразу – в режиссуру! Сразу кепку купил!*

Фингирующие преобразования частотны в опубликованных идеологизированных текстах СМИ, но редко отмечаются в спонтанной коммуникации и поэтому их частотность в сообщении позволяет предположить целенаправленную риторическую обработку.

Поскольку авторы стремятся выразить сильные чувства, воздействовать на эмоции адресатов, в текстах частотны модальные преобразования, благодаря которым в описание ситуации «входят» оценки, мнения, общие у адресанта и адресата пресуппозиции.

По нашим наблюдениям, модальные преобразования в текстах Facebook'а основаны на распространенных в разговорной речи метафорах, субстандартной лексике и тех риторических средствах, которые можно отнести к приемам профессионального троллинга.

В августе-сентябре модальные преобразования использовали авторы, обвинявшие Кирилла Серебренникова. А зимой ситуация изменилась.

Метафорами насыщены тексты тех авторов, кто пытается как можно точнее описать ситуацию и осмыслить ее: *по истечении какого-то времени подделка не подменяет собой жизнь – но оборачивается своей изнанкой; подкладка подделки! Пугающе, червиво правдива!.. Ее мы и наблюдали весь 2017 год; худшее, дремавшее на самом дне, подымается вместе с илом, оживает в виде нового средневековья нравов, и начинает исторгать свой ад – такой, что даже Кремль крикает от удивления; нет-нет, это уж слишком, убавьте там звук, на дне, фонит.*

Так как это неформальное общение, авторы активно используют ненормативную лексику. Функционирование субстандартной лексики обычно связано с направленностью коммуникации и ролью Другого в речевом акте. Адресант не только снимает эмоциональное напряжение, но и демонстрирует себя, подчеркивает свою роль в вербальном взаимодействии, ставит себя выше собеседника.

Осознавая эти функции социально неприемлемой лексической группы, некоторые адресанты обращают внимание читателей на необходимость, вынужденность использования именно таких слов: *появились у меня слова. матерные.*

Обычно подобные слова функционируют в позиции предиката. Их употребление не зависит от социального статуса автора текста, но можем отметить закономерность: люди с высоким уровнем образования (преподаватели вузов, редакторы СМИ, актеры...) с помощью матерных слов оценивают ситуацию. Люди, в других постах жалующиеся на жизнь, бранными словами характеризуют арестованного, и тем самым не только отрицают презумпцию невиновности и проводят границы между собой, своими друзьями и обвиняемым, но и публично, не боясь наказания, оскорбляют его. Обычно в высказывании появляется и избыточный слот с обобщающим значением: *вся актерская шайка-лейка.*

Анализ конструкций позволяет выделить в комментариях к постам профессионалов троллинга. Их высказывания отличаются следующие

характеристики: использование идиом с разговорной или просторечной окраской, выделение капслоком ключевой фразы, навязчивая парцелляция, повторение названных в предыдущих текстах лексических оппозиций, употребление указаний *несомненно, известно, очевидно* и т. п. в начале фраз, нанизывание оценочных слов, выражение предиката отглагольным существительным (номинализация): *Верю – не верю... Дебильное бляение инфантилов от культуры. Очевидно, что воровали и воровали на широкую ногу. НЕЗАЧЕМ ВЛАСТИ ЛЕЗТЬ В ТАКОЙ СКАНДАЛ, если есть хоть какая-то неочевидность.*

На троллинг указывает и использование форм множественного числа вместо единственного: *"читка" новой пьесы с актерами 300 000 руб. (отчет для МК о потраченных средствах). Они всех уже за идиотов держат.*

Наиболее частым приемом троллинга в рассматриваемой группе текстов была постановка бранного слова в однородный ряд имен уважаемых людей или наименований СМИ: *Дождь, РБК и другая помойка, не мерьте людей по себе.*

Также в комментариях на Facebook'e наблюдаем избыточное функционирование наречий, которые должны убеждать адресата в компетентности комментатора.

Для подобных высказываний характерно функционирование форм множественного числа, слов с обобщающим значением и актуализация значений настоящего времени. При этом автор противопоставляет свои действия действиям большинства.

За редким исключением авторы постов не боятся ошибиться и не используют модальную рамку (*я думаю, предполагаю* и т. п.). Это позволяет им выдавать субъективное мнение за общепринятое утверждение: *<...> пожилой бухгалтерши, которая, ну никак не могла бы украсть даже один миллион без воли на то своего руководителя!...*

Почему важно анализировать заполнение слотов в текстах социальных сетей, в частности Facebook'a? М. М. Бахтин писал, что мы говорим чужими высказываниями. По мысли Б. М. Гаспарова, речь человека опирается на

«цитатный фонд» памяти: «Языковая память каждого говорящего формируется бесконечным множеством коммуникативных актов, реально пережитых и потенциально представимых» [Гаспаров 1996: 106]. Усвоенные в социальной сети коммуникативные фрагменты становятся компонентами речевых практик пользователей, свойственными им способами осмысливать действительность. Очень важно в связи с этим положение Е. В. Падучевой о том, что носитель языка обычно не чувствует необходимость выявлять контексты, релевантные для значения слова, и изучать изменение исходного значения под влиянием контекста [Падучева 2004].

Каждый человек должен научиться вычитывать смысл или его отсутствие из предлагаемых ему текстов. Адресат текста обязан уметь различать истину и то, что автор хочет выдать за истину. Какие элементы в тексте позволяют автору сделать эти понятия неразличимыми? Что помогает адресанту манипулировать восприятием текста читателем? Задача филолога – предупреждать общество об опасных установках авторов текстов, напоминать носителям языка о необходимости критично воспринимать все получаемые ими сообщения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю. Д.* Типы соответствия семантических и синтаксических актантов. Проблемы типологии и общей лингвистики. СПб., 2006. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/apresyan-06.htm>
2. *Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
3. *Гаспаров Б. М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
4. *Касевич В. Б., Храковский В. С.* Конструкции с предикатными актантами: Проблемы семантики. Категории глагола и структура предложения: Конструкции с предикатными актантами. Л., 1983. С. 5–27.
5. *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
6. *Лацук О. Р.* Редактирование информационных сообщений. М., 2004. URL : <http://evartist.narod.ru/text3/46.htm>
7. *Левин Ю. И.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998.

8. *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М., 1996.
9. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. СПб., 2004.
10. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
11. *Wierzbicka A.* Dociekania semantyczne. Wroclaw, 1969.

REFERENCES

1. *Apresyan J. D.* Types of Correspondence of Semantic and Syntactical Actants. Problems of Typology and General Linguistics [Типы соответствия семантических и синтаксических актантов. Проблемы типологии и обшей лингвистики]. St. Petersburg, 2006. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/apresyan-06.htm>
2. *Baranov A. N.* Introduction to Applied Linguistics [Введение в прикладную лингвистику]. М., 2001.
3. *Gasparov B. M.* Language. Memory. Image. Linguistics of Language Existence [Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования]. М., 1996.
4. *Kasevich V. B., Khrakovsky V. S.* Constructions with Predicate Actants: Problems of Semantics. The Categories of the Verb and the Structure of the Sentence: Constructions with Predicate Actants [Конструкции с предикатными актантами: Проблемы семантики. Категории глагола и структура предложения: Конструкции с предикатными актантами]. Leningrad, 1983. P. 5–27.
5. *Katznelson S. D.* Typology of Language and Speech Thinking [Типология языка и речевого мышления]. Leningrad, 1972.
6. *Lashchuk O. R.* Editing of Information Messages [Редактирование информационных сообщений]. Moscow, 2004. URL : <http://evartist.narod.ru/text3/46.htm>
7. *Levin J. I.* Selected Works. Poetics. Semiotics [Избранные труды. Поэтика. Семиотика]. Moscow, 1998.
8. *Paducheva E. V.* Semantic Research: Semantics of Time and Aspect in Russian; Semantics of Narrative [Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива]. Moscow, 1996.
9. *Paducheva E. V.* Dynamic Models in the Semantics of Vocabulary [Динамические модели в семантике лексики]. St. Petersburg, 2004.
10. *Tesnière Lucien.* Elements of Structural Syntax [Éléments de syntaxe structurale]. Moscow, 1988.
11. *Wierzbicka A.* Semantic Research. Wroclaw, 1969.